

Мое имя Спенсер. Маркус Спенсер.

Я – ученик старшей школы, и мне семнадцать лет.

Тот самый возраст, когда идет самый повышенный интерес к девочкам, безумные фантазии, но до воплощения их в жизнь далековато... можно сказать, что у меня переходный возраст, спермотоксикоз, или попросту назвать извращенцем. Все варианты одинаково верны... в принципе.

Если что, я предупредил...

В сидении на последней парте есть свои плюсы. Ты всегда видишь весь класс, всегда в курсе всех событий, и можешь лучше всех спрятаться за спинами одноклассников, когда училка задает вопрос, на который ты не можешь найти ответ.

Но для меня есть еще одна вещь, из-за которой меня считают странным. Я частенько плююсь вниз или в сторону... на пол или стены. В зависимости от того, куда светит солнце. Короче, я часто смотрю на мир Теней.

Можете считать меня конченным... и да – так оно и есть.

Я не спорю, что, возможно, просто шизофреник, решивший написать о себе книгу, чтобы выдать все за буйную фантазию... и да – я в курсе, что являюсь персонажем книги, а не реальным человеком.

Но в этом мире... в этом мире я – реален. Как и все другие двенадцать человек из моего класса, как и секси-училка. Вообще-то ее зовут мисс Флауэрс, если кого колышет, и да – она любит цветы (если кто не понял юмора – он не знает английского).

Что? Знаешь английский и тоже не понял юмора? Иди тоже на хер.

В общем, сижу я на последней парте, если кто забыл, и в данный момент плююсь на сидящую прямо передо мной Эбигейл Уэбстер. Срань Господня! Если б вы видели ее бампер и капот, то поняли, почему я меняю ряд в зависимости от того, на каком сидит она.

Сегодня у Эбби красное нижнее белье. Я вижу ее стринги, когда она опирается на парту, чтобы заговорить с Корделией (ее подружка-лохушка). И знаете, что? Я бы всерьез рассмотрел сделку, где мне предложили бы отыметь Эбби, но затем отрезали бы мне пиписку.

Серьезно. Я бы подумал.

А вообще, я жалкий девственник-неудачник, но у меня еще все впереди, если все же я не спалюсь на своих глюках и не отправлюсь в белый дом (не тот, в котором живет Трамп).

- Мистер Спенсер, вы что-то интересное обнаружили на спине мисс Уэбстер?

- Скорее, у нее в трусах! – громко орнул Бруно, и полкласса просто выпало от его остроты, а его три гиены и вовсе чуть под парты не попадали, хотя над чем смеяться, нужно еще поискать.

- А Вы заткнитесь, мистер Морфи, - мисс Флауэрс была поистине божественна, когда злилась. – А иначе Вы останетесь после занятий с мистером Тэйтом – он тоже любит весельчаков.

И Бруно заткнулся.

Как и остальные.

Мисс Флауэрс могла поставить всех на место... ну или, если точнее, надавить учительским авторитетом и запугать.

- Мистер Спенсер, вопрос все еще остается открытым.

Я пожал плечами.

- Мистер Морфи ответил верно, мисс Флауэрс.

По классу бежит негромкий смешок, а Эбигейл слегка поворачивает ко мне голову. Я вижу ее смущенную улыбку.

- Мистер Спенсер, если Вы сейчас не будете смотреть на доску и слушать меня, то к мистеру Тэйту отправитесь Вы, а не мистер Морфи. И мисс Уэбстер там не будет.

- Резонно, - согласился я и демонстративно уставился на доску.

- Вот и умница. Продолжаем.

На доску я долго смотреть не мог – это утомительно. Можно попялиться на мисс Флауэрс, но не на доску с интегралами и логарифмами. Математика – это скучно. Когда-то она мне нравилась, но не теперь... я, конечно, с легкостью решаю все эти примеры и задачки... потому мне и скучно!

Я бегаю по классу глазами, разглядываю лежащие на полу тени от других учеников и снова не нахожу свою.

Вот же засранец...

Ищу по всему классу.

Для этого приходится слегка наклониться в бок, аки пикирующий истребитель. И вот она! То есть, он. И, хотя тень – она, но моя тень – это он! На все сто процентов!

И сейчас Он пробрался на вторую парту второго ряда, где сидела – Господи, дай памяти – Мария Кармен Перейра Карденас. Ее папа – нехилый такой горячий парень испанских кровей, заработавший такую кучу бабла, что самой Марии можно не работать еще лет четыреста. Именно потому к ней постоянно пытается подкатывать свои яйца Бруно... ну... не только потому. Дело еще и в том, что если у Марии Кармен и есть хоть какая-то соперница по красоте во всей этой чертовой школе – то она сидит прямо передо мной.

В общем, между Марией и Эбигейл так-то общего немного... у Марии нет такой жопы и таких доек, какими природа наградила Эбби, но зато она настолько изящна и грациозна, что между ними двумя я бы выбирал очень и очень долго.

Ладно, раз я начал о всех секси-девчонках нашего класса, то не могу не упомянуть Розалинд Холт. Несомненное третье место! Кстати, именно таковое она и заняла на конкурсе красоты. Секси-шоколадка! Она – латиноамериканка, и чертовски горячая штучка! За ночь с ней я тоже вполне мог бы дать на отсечение свой двадцать первый палец.

Как, наверное, и Джимми Уайт, белый по фамилии и совершенно противоположный по цвету кожи. Он не входит в шайку Морфи, и потому заслуживает мое уважение. Да он вообще молодец – хочет поступить в колледж, и потому учит абсолютно все предметы... и да – его оценки редко опускаются ниже чем на А-минус.

Ах да... Тень...

Короче, Он сейчас стоит по центру класса, прямо за спиной тени Марии (секси-испаночки)... и... массирует ей спину. Вам, наверное, трудно понять... я объясню на пальцах – моя Тень живет своею жизнью в некоем ином мире. Представьте, что я сейчас встаю, иду к Мэри, встаю позади нее и начинаю делать ей массаж. А теперь представьте тени на полу.

Именно такими они сейчас и являются. Будто я там, хотя меня там вовсе и нет...

Странно? Наверное...

А еще более странно то, что тени, с которыми соприкасается моя Тень, тоже начинают отвечать. И вот сейчас... моя Тень делает массаж Мэри, а тень Мэри блаженно выгибает спину под его руками... она точно получает удовольствие!

Вот черт! Почему моя тень такая крутая по сравнению со мной?

- Эй, Роза! – шепчет Джимми (который Белый по фамилии) и бросает ей смятую бумажку. Роза (такая же «белая», как и Джимми) смотрит на нее с явным отвращением, но все же расправляет, читает приглашение Джимми в кино сегодня вечером (я замечаю, как моя Тень читает письмо, стоя за спиной тени Роза) и снова скатывает писанину в шарик.

- Что, Джимми, хочешь отыметь меня в мой черный зад? – у бедного Джимми аж шары на лоб через очки полезли. – Засунь это в свой!

И она бросила письмо обратно.

Гиены снова ржут.

- О, черт, она вновь его отшила! – орет Бруно. – Как же теперь будет жить наш мистер-я-знаю-на-пять?

- Закрой свой рот, Бруно, - очень тихо говорю я. Но достаточно громко, чтобы он услышал. Все замолкают почти сразу же. В том числе и Бруно. Он медленно поворачивается и смотрит на доску.

- Спасибо, чувак, - говорит Джимми и протягивает мне кулак. Я в него легонько ударяю. Все же... это мой единственный друг. И именно потому я прямо сейчас ненавижу свою Тень, ибо он мнет сиськи тени Роуз, и та... совсем не против.

И в своих ладонях я ощущаю приятное тепло.

Когда начинается перемена, ко мне разворачивается Эбигейл (ну, та, которая в красных стрингах).

Глубокий вырез ее кофточки вкупе с тяжелыми грудями создают нестерпимое желание опустить взгляд, но я держусь, как могу. Держусь, как настоящий мужчина, держусь...

О, черт, нет!

Она положила на мою парту свою руку, а затем сверху на нее – свою самую выдающуюся часть тела, которая стала выпирать через вырез еще больше!

- Ты же pomoжешь мне с контрольной, да? – я слышу, что она улыбается, но смотрю гораздо ниже ее губ. Черт! Это просто хренов гипноз! Почему Господь одарил таким лишь женщин?!

- Да, конечно, - отвечает мой рот, явно не посоветовавшись с мозгом.

- Спасибо, Маркус, я знала, что на тебя можно положиться.

И она исчезает, оставляя меня наедине со своими фантазиями...

Еще я не упомянул троих, что учатся в моем классе. Это Эдуар и Жеральдин Лефевр (брат с сестрой) и Анна Вишнякова – она вообще русская. Ее пахан сбежал с России, когда ему на хвост села налоговая. Но Обама (тогда еще он был у руля) дал ему убежище.

В общем, именно таким составом (я, двенадцать одноклассников и мисс Флауэрс) мы должны были ехать на какую-то экскурсию. Я, если честно, понятия не имел, какую, но сел так, чтобы видеть Мари и Эбби – благо, они сели на одну сторону, и я мог рассматривать обеих. Розалинд села рядом с Эбби, и потому я мог глазеть еще и на Роуз, да так, что Джимми бы не понял (он сел со мной, кстати).

Но еще до того, как я уселся на свое место, успел побрататься с Элом – этот чувак, сколько я его помню, всегда был с дредами, разноцветной вязаной шапочкой и с сигаретой в зубах.

- Здорово, братюня! – протянул он мне свой кулак, как любил делать Джимми, и я тут же по нему стукнул. – О, брат, я сегодня такой шпек себе закатал – закачаешься! Хошь курнуть?

- Эл! – раздается женский голос, и сигарета Эла самым таинственным образом исчезает из рта. Хренов фокусник – еще он может, кстати, из жопы монетки доставать, когда не хватает мелочи, чтобы купить газировку...

- Я чист, мисс Флауэрс! Можешь меня обыскать, бэйба!

- Проходи, Спенсер!

И я прошел, слыша спиной сказанное шепотом: «Закачаешься, броу!»

Вот теперь я выбрал себе место для обзора, а потом пропустил к окну Джимми, которому тоже стукнул в кулак.

Бруно с друзьями сели в самый зад автобуса. Я бы тоже сел туда, но оттуда не видно Эбби... и Марию... и – черт поberi, прости, Джимми, - Роуз.

«Пристегните ремни, дамы и господа, - раздался через динамики автобуса голос Эла. – Автобус Желаний уже несет вас на крыльях любви!»

- Скорее, марихуаны, - говорит Морфи, но я его не слушаю – я смотрю за своей Тенью.

Не знаю, почему, но моя Тень вдруг резко побежала вперед. Да так быстро, что я даже испугался. И это чувство страха начало нарастать. Я тоже встал и пошел вперед по автобусу.

- Спенсер, сядь! – слышу я голос мисс Флауэрс, но остановиться не могу.

Я иду вперед, к лобовому стеклу.

- Оу, кому-то плохо, - говорит Эл, в его рту снова самокрутка. А прямо посреди дороги что-то... о нет – это человек. И человек этот – девушка. Она стоит прямо посередине дороги, а Эл даже и не думает сбавлять скорость.

- Эл, стой! – кричу я и несусь к Элу, но тут автобус трясет, словно мы наехали на нехилую такую кочку. Я падаю, но очень быстро поднимаюсь, бегу к Элу, даже не осознавая того, что за моей спиной весь класс издает самые разные удивленные охи и даже крики.

Я смотрю на девушку посреди дороги. Она стоит прямо перед автобусом. Всего в метре. И мы уже не едем... но и не стоим. Мы парим.

Мы, мать его, в воздухе!

- Да чтоб меня вантузом через зад и молнией по макушке, вот это дурь! – орет радостный Эл, а я зачарован неземной красотой беловолосой девушки. Ее рука вытянута по направлению к автобусу, а одежда напоминает эдакий косплей на девушку из «Мортал Комбат» в стиле «меньше одежды – больше оголенных участков». Прикрыты были лишь самые главные места... а вот все остальное...

У девушки был даже плащ-мантия, правда словно пропущенный через shredder. И этот плащ развевался по ветру, как и ее волосы.

Нетрудно было понять, что это она держит нас в воздухе.

- Что это за нахер?! – орет Бруно.

- Вот это меня вставило, чувак! – орет Эл.

И лишь я смотрю, как глаза девушки становятся ярко-алыми, и нас тут же поглощает яркое разноцветное сияние.

Когда сияние исчезает, остается лишь девушка. Колдунья, волшебница, чародейка, магесса... как угодно. Она стоит прямо перед автобусом, ветер стихает, и ее волосы падают на плечи, как и принимают вертикальное положение лоскуты ее плаща.

- Где мы?! – кричит по-испански Мэри.

- Иисус, Мария и Иосиф! – раздается голос шоколадки-Розалинд.

- Открой двери, Эл, - прошу я.

- Как скажешь, бро!

Он открывает, и я медленно выхожу на свет и приземляюсь на песок.

Озираюсь по кругу.

Догадаться, где мы, несложно.

Это Колизей. Как в Древнем Риме.

Или что-то вроде этого.

Все места забиты. Зрители громко кричат. Они рады.

Я не замечаю, как за моей спиной автобус покидают и все остальные.

- Где мы? – задаю я вопрос магессе, но она не понимает меня. Лишь ее взгляд... он куда более красноречив – я вижу... сострадание.

Взмах руки – и она исчезает.

Я быстро нахожу ее на трибунах – она подле старика в дорогих одеждах. Его место разительно отличается от прочих... оно особое.

Император?

И он хлопает в ладоши.

Где-то далеко, на другом конце арены, поднимаются тяжелые кованые ворота, и на нас несется огромный, самый настоящий, размеров с наш хренов автобус... носорог.

Публика неистовствует.

И, наконец, под своими ногами я-таки вижу свою блудную Тень.

«Мы дома, Коготь», - слышу в голове Ее шепот.

<http://tl.rulate.ru/book/7610/140438>